

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

М О Н О Г Р А Ф И Я

Под общей редакцией
профессора **В. В. Блажева**,
профессора **М. А. Егоровой**

• ПРОСПЕКТ •

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

М О Н О Г Р А Ф И Я

Под общей редакцией
профессора **В. В. Блажева**,
профессора **М. А. Егоровой**

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

•ПРОСПЕКТ•

Москва
2021

УДК 347.73
ББК 67.402
Т65

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Рецензенты:

Исаков В. Б., доктор юридических наук, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Малиновский А. А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России.

Под общей редакцией ректора Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), сопредседателя Ассоциации юристов России, заслуженного юриста Российской Федерации, профессора **В. В. Блажеева**, начальника Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), президента Международного союза юристов и экономистов (Франция), профессора **М. А. Егоровой**.

Т65 Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт: монография / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — Москва: Проспект, 2021. — 592 с.

ISBN 978-5-392-33606-7

DOI 10.31085/9785392336067-2021-592

Коллективная монография посвящена вопросам трансформации моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современных российской и зарубежной юрисдикциях. Инновационное развитие экономики России является основным государственным приоритетом, основой конкурентоспособности экономики, создает институциональный базис общества и является стимулом поддержания такого важнейшего фактора производства, как интеллектуальный капитал. В монографии отражена имманентная сущность инновационной инфраструктуры и проблемы ее реализации в современных экономических реалиях.

Предназначена для преподавателей, научных и практических работников, работников органов государственной власти, юристов, адвокатов, судей, студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов, а также для всех, кто интересуется проблемами современного права.

УДК 347.73
ББК 67.402

Научное издание

**Блажеев Виктор Владимирович,
Егорова Мария Александровна и др.**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Монография

Подписано в печать 20.11.2020. Формат 60×90 1/16.

Печать цифровая. Печ. л. 37,0. Тираж 1000 (1-й завод 100) экз.

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

ISBN 978-5-392-33606-7

DOI 10.31085/9785392336067-2021-592

© Коллектив авторов, 2020
© ООО «Проспект», 2020

КРАТКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Авторский коллектив	6
Глава 1. Основные подходы к формированию моделей правового регулирования инновационной инфраструктуры в России и за рубежом	12
Глава 2. Правовое регулирование объектов инфраструктуры инновационного развития	138
Глава 3. Векторы правового регулирования цифровых технологий в условиях развития инновационной инфраструктуры в России и за рубежом	254

2. Кулакова Т. Н. Прослеживаемость в цепи поставок пищевых продуктов как инструмент поддержки стратегии маркетинга предприятия на рынке // URL: vestnik.samgtu.ru 2014-4-14-011.
3. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9 (154).
4. Цифровое право. Глоссарий понятий / под общ. ред. проф. В. В. Блажеева, проф. М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020.
5. Шансугова М. Д. Пространства доверия и идентификация предпринимателя в цифровой экономике // Право и цифровая экономика. 2019. № 3.

§ 3.8. Трансформация гражданского законодательства России и Казахстана в эпоху цифровизации

Сулейменов Майдан Кунтуарович

*доктор юридических наук, профессор, директор
НИИ частного права Каспийского университета
Академик Национальной академии наук Республики
Казахстан*

Аннотация. В параграфе анализируются основные понятия, связанные с цифровизацией, и рассматривается возможность их использования в праве. Проводится критический сравнительный анализ законодательства России и Казахстана по закреплению в Гражданских кодексах технологических понятий цифровизации. Делается вывод, что ни понятие «цифровые права», используемое в ГК РФ, ни понятие «цифровые активы», примененное в ГК Республики Казахстан, неверно отражают сущность цифровых прав. По мнению автора, цифровые права – это не самостоятельный вид гражданских прав, а лишь форма уже существующих гражданских прав (вещных, обязательственных, исключительных и т.д.).

На основе критического анализа изменений и дополнений в законодательство Республики Казахстан, связанных с цифровыми технологиями (токены, блокчейн, криптовалюта, роботы, смарт-контракты), автор приходит к выводу, что включать в законодательство технологические понятия, понимаемые в технологической литературе по-разному и постоянно видоизменяющиеся, преждевременно. Тем более это опасно применительно к Гражданскому кодексу, куда могут включаться только надежные, прошедшие проверку временем и не допускающие двойного толкования понятия.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, гражданский кодекс, гражданское законодательство, цифровые права, цифровые активы, токены, блокчейн, криптовалюта, роботы, смарт-контракты, технологические понятия.

Abstract. This paragraph analyzes basic concepts related to the digitalization and considers its use in law. Critical comparative analysis of legislation of Russia and Kazakhstan concerning securing of technological

concepts of digitization in the Civil Codes. Conclusion is made that neither the term "digital rights" used in the Civil Code of the Russian Federation, nor the term "digital assets" used in the Civil Code of the Republic of Kazakhstan define the essence of the digitization rights. According to the author's view, digitization rights are not independent type of civil law rights, but a type of civil law rights that already exist (proprietary rights, rights under an obligation, exclusive rights, etc.).

On the basis of the critical analysis of changes and additions to the legislation of the Republic of Kazakhstan related to digital technologies (tokens, blockchain, cryptocurrency, robots, smart contracts) the author concludes that including in legislation of technological terms that are understood differently in technological literature and that are constantly changing, is premature. Moreover, it is dangerous regarding the Civil Code that may include only steady and solid concepts, that have undergone the test of time.

Keywords: digitalization, digital technologies, Civil Code, civil legislation, digital rights, digital assets, tokens, blockchain, cryptocurrency, robots, smart contracts, technological concepts.

Основные понятия

Цифровые технологии стремительными темпами вторгаются в нашу жизнь. Уже привычными стали Интернет, искусственный интеллект, роботы, социальные сети, Амазон, облачные технологии, кибербезопасность и т.п.

Все большее распространение получают новые понятия и явления. Про криптовалюту, биткойны слышали многие, хотя подавляющая часть населения слабо представляет, что это такое. Но есть масса понятий, о которых основная масса обывателей даже и не слышала и которые известны узкому кругу технологически подкованных людей. Можно назвать некоторые из этих понятий: блокчейн, токен, смарт-контракты, нода, майнинг, верификация, валидация, хэш-код, фиатная валюта и т.п.

К сожалению, к числу таких людей относится и большинство юристов.

Но если остальная часть населения может спокойно пребывать в неведении, то юристам необходимо в этих понятиях разбираться. Особенно это касается цивилистов, потому что многие понятия, используемые в цифровых технологиях, так или иначе связаны именно с гражданским правом. Необходимо это потому, что начинают появляться проекты законов о цифровизации, подготовленные в основном технологами. Более того, делаются попытки внести новые нормы в Гражданский кодекс. А это уже опасно, ибо нововведения, сделанные технологами, могут нарушить архитектуру Граждан-

ского кодекса, войти в противоречие с базовыми понятиями гражданского права.

Поэтому приходится исследовать технологические понятия, связанные с цифровизацией (блокчейн, токен, биткойн, смарт-контракты и прочее). Однако изучение этих понятий не является самоцелью. Это необходимо для того лишь, чтобы проанализировать уже появившиеся проекты и даже принятые законы, связанные с цифровизацией.

Предметом рассмотрения в настоящей работе будут:

1) Федеральный закон Российской Федерации от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Закон о цифровых правах).

2) Закон Республики Казахстан от 25.06.2020 № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий», (далее — Закон о цифровых технологиях).

Для того, чтобы можно было лучше понять положения рассматриваемых здесь законов (проектов), необходимо провести расшифровку некоторых понятий, используемых в цифровой технологии.

При определении этих понятий была использована как технологическая¹, так и юридическая² литература.

Блокчейн (blockchain — цепочка блоков) — распределенный реестр или связанные блоки. То есть это цифровой реестр или база данных, причем эти данные распределены по всем компьютерам пользователей. Блокчейн можно сравнить с бисерным ожерельем, где каждая бусинка — это блок, запись действия. Например, оплаты кем-то чего-то или сдачи домашнего задания. Такое ожерелье — или «чейн» (цепь) — не может быть уничтожено или повреждено. Каждый новый блок добывается путем математических вычислений в процес-

¹ См., напр.: *Свон М.* Блокчейн: схема новой экономики / пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2018. 240 с.; *Винья П.* Эпоха криптовалют: как биткойн и блокчейн меняют мировой экономический порядок / Пол Винья, Майкл Кейси; пер. с англ. Э. Кондуковой; науч. ред. А. Форк. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 432 с.; *Генкин А.* Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра / Артем Генкин, Александр Михеев. М.: Альбина Паблишер, 2018. 592 с.; *Табернакулов А.* Блокчейн на практике / Александр Табернакулов, Ян Койфман. М.: Альбина Паблишер, 2019. 260 с.; *Тарасов Д., Попов А.* От золота до биткойна. М.: Альбина Паблишер, 2018. 98 с.; публикации Ассоциации разработчиков и пользователей технологии Блокчейн // Blockchain.kz. URL: www.blockchainkz.info.

² См., напр.: *Нагородская В. Б.* Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.; *Карицкая А. А.* Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

се майнинга (добычи), и нанизывается на существующую цепочку блоков. Каждый пользователь в любой момент может увидеть всю цепочку блоков. Подделать и обмануть в блокчейне невозможно.

Начался блокчейн с биткойна и первоначально применялся только как платформа для криптовалют. Но со временем блокчейн стал использоваться и в других сферах: банковский сектор (Дойче-банк, ВТБ, Сбербанк), платежные системы (Visa, Master card, SWIFT), земельная сфера и сфера недвижимости (земельный реестр, реестр недвижимости), государственные услуги (удостоверение личности, нотариат, электронное гражданство) и т. д.

В Казахстане блокчейн внедрен, например, для формирования очереди в детский сад. Каждый подавший заявление — это новый блок в цепочке блоков, составляющей очередь. Новый блок прикрепляется к предыдущему, а предыдущий прикреплен к следующему. Создается жесткая сцепка, которая позволяет четко знать свою очередь. Эта очередь никак, никем и никогда не может быть сдвинута или переставлена.

В Астане запустили на платформе блокчейна аукционы по распределению земельных участков.

Криптовалюта — цифровая (виртуальная) валюта, единица которой — монета (англ. coin). Защищена от подделки, так как представляет собой зашифрованную информацию, скопировать которую невозможно.

Фиатные деньги тоже могут существовать как электронные деньги, но для этого они должны сначала быть внесены на счет в физическом воплощении, например, через банк или платежный терминал. А криптовалюта выпускается непосредственно в сети и никак не связана ни с какой-либо обычной валютой, ни с любой государственной валютной системой.

Основной криптовалютой является Биткойн (более 90% рынка), разработанный в 2009 г. человеком или группой людей под псевдонимом Сатоши Накамото (личность до сих пор не установлена). Затем появились другие криптовалюты, которые называются альткойны (от англ. Altcoin, alternative coin). Наиболее известными альткойнами являются Litecoin, Namecoin, Novacoin, Ethereum, Ripple, Dash и другие.

На сегодняшний день в мире насчитывается более 5000 криптовалют.

Биткойн (от англ. bitcoin, от bit — бит и coin — монета) — криптовалюта, платежная система, использующаяся одноименную единицу для учета операций. Биткойны никто не печатает, как фиатные деньги. Эмиссия биткойнов возможна только в цифровом виде и любой

желающий может начать добывать или, как говорят, майнить биткойны в любое время. Майнинг биткойнов происходит посредством использования вычислительных мощностей компьютеров в распределенной сети.

Майнинг (от англ. mining — добыча полезных ископаемых) — деятельность по созданию новых структур (обычно новых блоков в блокчейне). Суть майнинга заключается в том, что компьютеры, находящиеся в разных точках земли, решают математические задачи, в результате которых создаются биткойны. Работа майнеров заключается в том, чтобы подобрать из миллионов комбинаций единственный хэш (цифровой код), подходящий ко всем новым транзакциям, и секретному ключу, который и обеспечит майнеру получение награды.

С ростом количества добытых блоков сложность майнинга растет, так как приходится вкладывать все больше усилий в добычу блоков. Первоначально (когда было несколько блоков) для майнинга хватало простого персонального компьютера, но теперь, с фантастическим количеством блоков, майнинг можно проводить только на специализированных устройствах (фермах).

Основная проблема майнинга сейчас заключается в громадных затратах на электричество. Поэтому майнеры объединяются в пулы, в которые входят несколько десятков, сотен или тысяч майнеров, составляющих единое звено (пул).

Токен (англ., от нем. Zeichen — знак, символ). Если говорить очень просто, токен — это жетон, который можно обменять на какую-то услугу или товар.

В качестве примера жетонов можно назвать жетон в метро или для игрового автомата или аттракциона. Купив жетон, вы потом меняете его на услугу в виде прохода через турникет метро ли в виде возможности воспользоваться услугами аттракциона.

Токен — это тот же жетон, только цифровой. Компания, которая хочет внедрить какой-либо проект и желая раздобыть для этого средства, выпускает цифровые жетоны — токены, проводит так называемое ICO (Initial Coin Offering — первичное размещение токенов). Можно сравнить ICO с IPO (первичное размещение акций). Отличие в том, что при IPO покупатели, приобретая акции, получают доли в компании. При ICO они получают токены — жетоны, которые в последующем они могут обменять на какие — либо блага от компании.

По сути, участники ICO финансируют развитие компании сейчас для того, чтобы получить от нее какие-то блага в будущем.

Это можно приравнять к **краудфандингу** (народное финансирование, от англ. Crowd-funding, crowd — толпа, funding — финансирование) — коллективное сотрудничество людей (доноров), которые до-

бровольно объединяют свои деньги вместе, чтобы поддержать усилия других людей или организаций (реципиентов). Если проект удачен, то инвесторы могут получить выгоду от продажи токенов на бирже, если проект проваливается, то токены не больше, чем цифирки, не имеющие ценности.

Спорным является вопрос о соотношении криптовалюты, в частности биткойна, с другими токенами.

Сходство между ними в том, что оба выпускаются на основе технологии блокчейн и что и биткойн, и токен могут быть использованы как цифровая валюта.

Однако биткойн нужно добывать (майнить), используя специальное технологическое оборудование. Для других токенов майнинга не нужно. Токен, как правило, не имеет собственного блокчейна.

Подавляющее большинство проектов (стартапов) основывается на существующих платформах, представляющих все необходимые инструменты (например, Ethereum, Waves, EOS, Link и другие конкурирующие платформы). В данном случае краудфандинг происходит путем покупки токенов.

Верификация и валидация

Верификация (от англ. Veritas — истина) означает проверку или тестирование.

Валидация (от англ. Validus — здоровый, сильный, крепкий) — подтверждение, аттестация.

Отличие верификации от валидации заключается в том, что верификация означает подтверждение общим требованиям, а валидация — подтверждение требованиям, установленным в данном конкретном случае.

Проверка качества всех этапов изготовления, например, велосипеда, наличия всех необходимых элементов (руля, педалей, рамы и т.п.) и соответствия техническому заданию. То есть это бумажная работа на предмет соответствия изделия техническому заданию и производится она до передачи заказчику. Это верификация.

Валидация означает в данном случае комплексную проверку изделия требованиям заказчика самим заказчиком. То есть валидация — это тестирование изделия на физическую функциональность в процессе передачи его заказчику (едет или не едет — проводятся испытания).

Фиатные (от лат. — декрет, указание), они же фидуциарные (от лат. fiducia — доверие) деньги — деньги, номинальная стоимость которых устанавливается и гарантируется государством, традиционные деньги.

Цифровое право как отрасль права

Идея технологии блокчейн, основанной на принципах децентрализации, распределенного реестра, служит прототипом для современной цифровой экономики, в основе которой используется тот же принцип децентрализации, отказа от единого (центрального) регулятора и переход к прямым взаимоотношениям участников.

Применительно к системе права это может выражаться в установлении правоотношений непосредственно между сторонами правоотношения посредством технологических связей. При этом, каждое объединение в технологическую платформу участников блокчейн-платформы (юридических и физических лиц) посредством консенсуса вырабатывает и руководствуется своими правилами проведения и валидации (признания) электронных операций (транзакций), которые могут выражаться в выпуске и обороте криптовалюты либо проведении расчетов, либо для осуществлении хранения и обработки юридически значимой информации (сведений), совершение действий по смарт-контрактам, иные действия, в зависимости от целей создания конкретной технологической платформы¹.

Применительно к правовым отношениям под цифровизацией можно понимать процесс, направленный на преобразование той или иной сферы жизнедеятельности (отрасли народного хозяйства) посредством внедрения в нее цифровых технологий и инновационных технологических решений.

Благодаря развитию цифровизации в системе права появились такие отрасли права, как информационное право, компьютерное право, интернет-право и т.п. Речь идет о возникновении на базе существующих подразделений системы права цифрового права².

В американской юридической литературе известна дискуссия относительно предметной самостоятельности интернет-права как области юридического знания. Так, Ф. Истербрук выступил против обособления интернет-права, пользуясь аналогией «лошадиного права». По его мнению, никаких принципиальных особенностей право, регулирующее Интернет, не имеет. Нет необходимости выделять направления в юриспруденции по поводу того или иного предмета без учета иных юридически значимых особенностей. С тем же успехом можно обособить лошадиное право, поскольку встречаются институты права относительно сделок по поводу лошадей или причинения вреда лошадям. Иной точки зрения придерживается Л. Лессиг, кото-

¹ См.: Карцхия А. А. Указ. соч. С. 54.

² См.: Танимов О. В. Влияние цифровых технологий на появление новых структурных элементов системы права // URL: <https://urfac.ru/?p=2558>.

рый отмечает своеобразие той реальности (виртуальной, электронной), в которой складываются указанные общественные отношения. В такой среде, с одной стороны, действует цифровой код, а с другой стороны, отношения в сфере использования Интернета с учетом ее архитектуры не поддаются такому контролю, как физические общественные отношения¹. Этот спор напоминает давний спор о системе советского права, когда противники комплексных отраслей права говорили о трамвайно-троллейбусном, банно-прачечном, бакалейно-гастрономическом праве².

Цифровое право некоторые авторы не признают самостоятельной отраслью права, но рассматривают его как особую отрасль законодательства³.

При этом цифровое право (интернет-право) в объективном смысле как совокупность норм права, регулирующих отношения по поводу применения Интернета, характеризуется рядом особенностей:

- 1) отношения в сфере Интернета могут регулироваться на уровне технического кода;
- 2) цифровое право объединяет предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т.п.)
- 3) цифровые отношения протекают в особой интернет-среде и приобретают виртуальный характер⁴.

В сфере частного права появляются новые институты: институт электронной подписи, институт телеработы (работа на дому, фрилансеры), телемедицина (цифровое здравоохранение), электронные деньги⁵.

¹ См. об этом: Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // *Legal Linguistics*. 2019. № 11. С. 15–18. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2019\)1103](https://doi.org/10.14258/leglin(2019)1103). См. также: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-tsifrovoye-pravo-v-doktrine-i-pravovyh-tekstah>.

² См. об этом: Сулейменов М. К. *Право как система*. М.: Статут, 2016. С. 261; см. также: *Гражданское право Республики Казахстан: опыт теоретического исследования*. Т. 2. Ч. 2: Теоретическая. Разд. 1: Общие проблемы гражданского права. Алматы, 2016. С. 271.

³ См., напр.: *Архипов В. В. Интернет-право*. М., 2018. С. 29–33.

⁴ См.: Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых отношениях // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-tsifrovoye-pravo-v-doktrine-i-pravovyh-tekstah>.

⁵ См. там же.

В сфере процессуального права появляются: институт электронной идентификации личности, институт электронного правосудия, институт электронного голосования.

На мой взгляд, даже если и признавать цифровое право новой отраслью права, то это не будет какая-то самостоятельная отрасль права, а обыкновенная комплексная отрасль (или права, или законодательства в зависимости от того, кто является сторонником, а кто противником комплексных отраслей права)¹.

Цифровые права или цифровые активы?

1. Понятие «цифровые права» закреплено в ГК РФ Законом РФ от 18.03.2019.

Статья 128 ГК РФ теперь выглядит следующим образом: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, **цифровые права**); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага» (выделено мной. — М. С.).

Само понятие цифровых прав дано в новой ст. 141.1 ГК РФ «Цифровые права». Согласно ч. 1 данной статьи «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

Отметим, что цифровые деньги или криптовалюта в ст. 128 ГК РФ не включены. Закон также закрепляет общие принципы электронного документооборота: сделка, совершенная с помощью электронных средств, будет приравниваться к сделке, совершенной в письменной форме, при этом стороны смогут своим соглашением устанавливать дополнительные требования к форме сделки, а также к способам достоверного определения лица, подписавшего документ (выразившего волю).

Нововведением Закона РФ от 18.03.2019 является закрепление нормы о сделках, известных на практике как «смарт-контракты», исполнение которых осуществляется посредством применения информационных технологий без дополнительного волеизъявления сторон, направленного на исполнение обязательства.

¹ Подробнее о комплексных отраслях права см.: Сулейменов М. К. Право как система. С. 252–340.

К иным изменениям можно также отнести:

— возможность принятия решения собранием посредством заочного голосования с помощью электронных средств или иных технических средств;

— новый вид договора — договор об оказании услуг по предоставлению информации — которым может быть ограничено разглашение информации третьим лицам;

— включение положений об электронных товарных чеках для договоров розничной купли-продажи;

— положение о публичной оферте в сети Интернет;

— указания на форму заключения договора номинального счета и договора страхования;

— уточнение требований к форме составления завещания.

Надо отметить, что в первоначальной редакции законопроекта определение цифровых прав отличалось от определения, данного в законе, довольно существенно. Согласно ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ проекта Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенного в Государственную Думу, «в случаях, предусмотренных законом, права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивает лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом»¹.

Проект подвергся критике в основном за узкое понимание цифровых прав, привязанное исключительно к децентрализованным информационным системам. В результате этого к цифровым правам могли быть отнесены только права, фиксируемые в реестрах.

Например, в Экспертном заключении по проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первой, второй и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечалось: «...проект необоснованно сужает понятие «цифрового права»,

¹ Проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018) // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru> (дата обращения: 20.04.2019).

связывая его существование только с распределенным реестром. Права в электронной форме могут существовать не обязательно только в блокчейне; более того, они уже существуют в такой форме и активно реализуются миллионами людей. В этом несложно убедиться, обратившись к балансу собственного аккаунта мобильной связи. Принятый Проектом подход нарушает принцип технологической нейтральности, дискриминируя все другие технологии, способные оформлять права в электронном виде»¹.

Принятие Закона о цифровых правах вызвало неоднозначную реакцию в российской юридической литературе.

Отмечается, в частности, что с позицией ГК РФ (отказ от включения в ГК понятий блкчейн, биткойн и пр.) можно согласиться. Действительно, блокчейн-технология, как и любая технология, вполне очевидно имеет временные рамки существования. Возможно, она просуществует и будет активно использоваться десятилетия или даже века, а возможно, лишь годы — и на смену ей придет более совершенная. И, конечно, в таком основополагающем документе, как Гражданский кодекс Российской Федерации, тем более в его базовых положениях, методологически не слишком верно использовать конструкции, которые могут за сравнительно короткое время устареть.

Однако определение цифровых прав, содержащееся сейчас в ст. 141.1 ГК РФ, потенциально настолько широко, что может включать практически любые права, фиксируемые в цифровой форме. К примеру, в Экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства отмечается, что это совершенно верно применительно к балансу мобильного телефона. Однако также в качестве цифровых прав можно рассматривать и баллы, накапливаемые клиентом какого-либо банка и фиксируемые в информационной системе этого банка (к примеру, бонусы «Спасибо от Сбербанка»). Цифровыми правами при желании можно назвать и различные бонусы, на которые может претендовать участник компьютерных сетевых игр. Можно привести и другие примеры, при этом совершенно очевидно, что с развитием мировых технологий и все большим их вторжением в нашу жизнь количество таких примеров будет только множиться.

В то же время обратим внимание на то, что указанное широкое толкование цифровых прав заложено в гражданский закон РФ пока

¹ Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17.01.2019 № 183-1/2019) // СПС «КонсультантПлюс».

лишь потенциально. Это сделано путем закрепления в ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ оговорок: «названные в таком качестве в законе» и «отвечающей установленным законом признакам». Какие права будут названы в законе цифровыми и какие признаки будут установлены для указанных информационных систем — вопрос остается открытым. По сути, принятый 18.03.2019 Федеральный закон № 34-ФЗ является лишь констатацией того, что цифровые права существуют, и они привязаны к информационной системе.

Иными словами, государство оставило для себя пространство для маневра — вопрос о содержательном наполнении цифровых прав будет решаться в дальнейшем (при этом остается непонятным — какими конкретно актами и в какие сроки это должно быть сделано). Авторы итоговой редакции законопроекта устранились от решения вопроса о цифровых правах, по существу отнеся его к неопределенному будущему. Таким образом, с одной стороны, понятие цифровых прав в законодательство вроде бы как внесено, с другой — объем их не определен и фактически до появления разъясняющих нормативных документов применение гражданско-правовых норм о цифровых правах остается невозможным¹.

В принципе токены, в том числе криптовалюта, не являются какими-то принципиально новыми объектами с позиций гражданского-правового регулирования.

Как было отмечено в официальном отзыве Правительства РФ на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Исходя из определения понятия цифровых прав, представляется, что такие права фактически являются способом оформления традиционных имущественных прав разной природы (вещные права, обязательственные права, корпоративные права, исключительные права), а также их фиксации перехода от одного владельца к другому. Однако данные права могут существовать в электронной форме, не создавая при этом новый вид объектов гражданских прав»². В этом плане и криптовалюта, и токен ничем принципиально не отличаются от известного уже тысячелетия чело-вечеству ксюмбаллона (предмета с условными знаками, по которым

¹ См.: *Конобеевская И.М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330–334. URL: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>; см. также URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sifrovyje-prava-kak-novyj-obekt-grazhdanskogo-prava>.

² Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических отношений. 08.06.2018 // URL: <http://m/government.ru/all/32876>.

два лица узнают друг друга, например, по двум половинкам разломанной щепки или монеты, концы которых должны сойтись).

По мнению И. М. Конобеевской, введение в законодательство понятия «цифровые права» является в принципе терминологически не вполне точным, а их отнесение к объектам гражданских прав и вообще ошибочным. Конечно, цифровые права можно рассматривать как юридическую фикцию. Однако использование в законодательстве юридической фикции должно преследовать какую-то цель, способствовать достижению определенного результата. В рассматриваемом случае таким результатом, по-видимому, выступает распространение на криптовалюты и токены режима имущественных прав. Однако, как представляется, в создании такой сложной конструкции объективной необходимости нет — для целей регулирования хозяйственного оборота достаточно было бы признания того факта, что имущественные права могут быть зафиксированы в цифровой форме, в том числе посредством внесения записей в децентрализованные реестры. Закрепление в гражданском законодательстве подобных положений уже позволило бы распространять на криптовалюты все необходимые для их использования и защиты гражданско-правовые инструменты¹.

Цифровые права рассматриваются как юридическая фикция, близкая к ценным бумагам. Цифровые права, как и ценные бумаги, по сути, удостоверяют права на объекты гражданских прав (имущество, результаты работ, интеллектуальную собственность и т.д.), кроме нематериальных благ. Однако механизм закрепления этих прав иной, поскольку:

1) это определенный цифровой код, который описывает соответствующий объект гражданских прав;

2) указанный цифровой код существует в конкретной цифровой среде. Вне этой среды этот код не может быть использован, за ее пределами он фактически не существует;

3) этот код генерируется по определенному математическому алгоритму без участия третьей стороны, здесь нет центрального депозитария. Считается, что при современном уровне развития мощностей вычислительных машин и программного обеспечения эти данные не могут быть фальсифицированы².

На заседании круглого стола «Гражданско-правовое регулирование криптоактивов и смарт-контрактов» (<http://www.facebook.com/events/372935010000371/>), организованного 27.06.2019 Финансовым

¹ См.: Конобеевская И. М. Указ. соч. С. 334.

² См.: Ситдикова Р. И., Ситдииков Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-vid-imuschestvennyh-prav>.

клубом (ЦСР, юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Школа права «Статут») были обсуждены три новых явления в праве (цифровые права, блокчейн, смарт-контракты).

Большинство поддержало мнение о том, что феномен «цифровых прав» не порождает для юристов новой сущности. Это понятие, по сути, является собирательным — цифровыми правами могут быть названы совершенно разные «вещи»: приложение обслуживающего банка в смартфоне, аккаунт в социальной сети и пр. Естественно, новая форма порождает особенности возникновения, изменения, передачи, прекращения прав. Однако свою содержательную часть для юристов такие права не меняют.

В качестве аргумента в пользу введения в законодательство любой новой сущности был высказан тезис о том, что для обоснования этому достаточно перечислить некоторые особенности обращения такой новой сущности как, например, в случае с движимым и недвижимым имуществом или векселем и обязательством.

Отдельным вопросом стала потребность в правовом регулировании при самодостаточности технологии в виде кода. Одним из выводов стало то, что в таком случае на первый план выходит публично-правовое регулирование.

2. Понятие «**цифровые активы**» закреплено в Законе РК о цифровых технологиях, в котором предлагается:

Пункт 2 ст. 115 ГК РК изложить в следующей редакции:

«2. К имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права, **цифровые активы** и другое имущество»;

Статью 116 дополнить п. 3–1 следующего содержания:

«3–1. Понятие и виды цифровых активов, а также особенности оборота цифровых активов определяются законодательством Республики Казахстан, актами международного финансового центра «Астана».

Таким образом, вводится неизвестное гражданскому праву понятие «цифровой актив».

Это понятие раскрывается в изменениях и дополнениях в Закон РК от 24.11.2015 «Об информатизации».

Статья 1 дополнена подп. 55–1) следующего содержания:

«55–1) цифровой актив — имущество, созданное в электронно-цифровой форме с применением криптографии и компьютерных вычислений, не являющееся финансовым инструментом, базовым активом которых являются ценные бумаги, а также электронно-цифровая форма удостоверения имущественных прав».

3. Таким образом, мы видим два различных подхода к определению цифровых прав: цифровые права в российском законе и цифровые активы в казахстанском законе.

В Законе РФ от 18.03.2019 цифровые права включаются в иное имущество (то есть не в вещи), а именно — в имущественные права. В ст. 141.1 ГК РФ уточняется: «обязательственные и иные права».

Получается какое-то противоречие (или неясность): с одной стороны, это самостоятельное имущественное право (по ст. 128 ГК РФ); с другой стороны — это разновидность обязательства.

Но какая именно это разновидность? Практически это то же самое обязательство, только выраженное в цифровой форме. То есть это не самостоятельное имущественное (обязательственное) право, а просто форма обязательственного права.

Можно приравнять его к письменной форме. То есть обязательство может быть выражено в документальной или в цифровой форме.

Подобные предложения высказывались в российской юридической литературе. Например, Л. Ю. Василевская говорит, что цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующего наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к их цифровому способу фиксации и распространению на них механизма цессии, отчуждения указанных прав¹.

В отличие от российского закона казахстанский проект вводит термин «цифровой актив», под которым понимается «имущество в электронно-цифровой форме, за исключением денег и личных неимущественных прав».

В изменениях и дополнениях, внесенных Законом о цифровых технологиях в п. 2 ст. 115 ГК РК цифровые активы понимаются как нечто отдельное от других объектов гражданских прав, таких как вещи и имущественные права. Это определение является неверным и юридически некорректным.

Во-первых, неверен сам термин «цифровые активы». В гражданском праве термина «активы» нет. Это термины из финансового и бухгалтерского законодательства². Например, в РФ разрабатывается проект Закона «О цифровых финансовых активах». Однако этот

¹ См.: *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // URL: <https://urfac.ru/?p=2398>.

² См., напр.: ст. 13 Закона РК от 28.02.2007 № 234-III «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности» (активы как элемент финансовой отчетности); ст. 234 Кодекса РК «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налогового кодекса)» от 25.12.2017 № 120-VI (фиксированные активы).

Закон рассматривает лишь финансовые активы, такие как криптовалюта и токены¹.

Например, проект принятого 01.03.2011 Закона РК «О государственном имуществе» вначале назывался Закон «О государственных активах». Но к разработке проекта подключилась группа цивилистов под моим руководством, и мы доказали, что в гражданском праве нет термина «активы», а есть термин «имущество». И Закон был переименован.

Поэтому если говорить об активах, то придется применять термин «цифровое имущество», что, согласитесь, звучит неприемлемо.

Во-вторых, трудно и, на мой взгляд, невозможно, если исходить из концепции, на которой основывается ГК РК, провести отграничение цифровых активов от имущественных прав. Цифровые активы, если их признавать, могут быть только имущественными правами, и отграничивать их надо, в первую очередь, от вещей.

В-третьих, утверждается, что цифровые активы — это имущество, а также электронно-цифровая форма удостоверения имущественных прав. Разработчикам надо было определиться, что же это такое — цифровой актив: или имущество, или форма удостоверения имущества? Дело в том, что одно исключает другое. Или имущество, или форма, удостоверяющая имущество.

Таким образом, включение в ГК термина «цифровые активы» ошибочно. Включение термина «цифровые права» тоже весьма сомнительно, ибо оно в ГК РФ сводится к тому, что это обязательственные права (права требования) в цифровой форме. То есть это не самостоятельное право, а форма существования прав требования.

Поэтому, на мой взгляд, если уж так необходимо вносить изменения в ГК РК, то было бы достаточным указать в ст. 115 ГК РК, что имущественные права могут выступать в электронно-цифровой форме.

Токены, блокчейн

Законом РК о цифровых технологиях Закон об информатизации дополнен ст. 33–1 «Правовой режим оборота цифровых активов», которая гласит:

«Статья 33–1. Правовой режим оборота цифровых активов.

1. Цифровой актив не является средством платежа.

2. Цифровые активы являются обеспеченными и необеспеченными.

¹ См., напр.: *Лантес В. А.* Цифровые активы как объекты гражданских прав // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-aktivy-kak-obekty-grazhdanskogo-prava>.

К обеспеченным цифровым активам относятся цифровой токен и иные цифровые активы, являющиеся цифровым средством удостоверения имущественных прав на товары и (или) услуги, выпускаемые (предоставляемые) лицом, выпустившим обеспеченный цифровой актив. Виды обеспеченных цифровых активов, а также перечень прав, удостоверяемый токеном, устанавливаются лицом, выпускающим цифровой токен, в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан.

К необеспеченным цифровым активам относятся цифровые токены, полученные как вознаграждение за участие в поддержании консенсуса в блокчейне в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан.

3. Выпуск и оборот необеспеченных цифровых активов на территории РК запрещается, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан.

4. Цифровой актив не обеспечивает права на ценные бумаги, производные финансовые инструменты, базовым активом которых являются ценные бумаги, и не предоставляет его собственнику или владельцу соответствующих прав в отношении юридического лица.

5. Право на цифровой актив удостоверяется посредством записи в блокчейне лицом, выпускающим цифровой актив на распределенной платформе данных, в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

6. Внесение в информационную систему сведений о передаче цифрового актива или прав на него допускается при выполнении следующих условий:

1) лицо, осуществившее внесение сведений, обладает доступом в информационную систему лица, выпускающего цифровой актив на распределенной платформе данных, в соответствии с установленными требованиями;

2) информационная система лица, выпускающего цифровой актив на распределенной платформе данных, отвечает требованиям, установленным настоящим Законом.

7. Собственник, владелец и пользователь, обладающие доступом в информационную систему выпускающих цифровых активов, обладают равными правами на внесение изменений в соответствии с заданным алгоритмом валидации. При этом изменения синхронизируются у всех пользователей информационной системы.

8. Лицо, осуществляющее цифровой майнинг, становится собственником цифровых активов, возникших в результате цифрового майнинга».

Кроме того, ст. 1 Закона об информатизации дополнена подп. 56–1) следующего содержания:

«56–1) цифровой токен — вид цифрового актива, являющийся цифровым средством учета, обмена и удостоверения имущественных прав».

Отметим ряд юридически неверных положений, вытекающих из редакции подп. 56–1) ст. 1 и п. 1 ст. 33–1 Закона об информатизации:

Во-первых, само название «цифровой токен». Значит ли это, что существует нецифровой токен?

Можно, конечно, назвать нецифровым токеном жетон для использования в метро или в игровом автомате, но это, согласитесь, не совсем поймут в русскоязычной среде. Потому что жетон в метро — это жетон и есть (тем более, что и в метро, по-моему, жетоны уже почти исчезли).

Так что называть такой жетон токеном, может быть, можно в Англии, но в России и Казахстане это, по меньшей мере, неразумно.

Поэтому более правильным было бы сохранить термин «токен» только применительно к цифровому токеному, и поэтому вместо термина «цифровой токен» употреблять термин «токен».

Во-вторых, как токен как вид цифрового актива может быть одновременно и имуществом (как вид цифрового актива) и средством удостоверения имущества?

В-третьих, обеспеченные цифровые активы — это цифровые токены. Необеспеченные цифровые активы — это тоже цифровые токены. Надо было более четко определиться с соотношением понятий «токен» и «криптовалюта».

В цифровой практике рассматриваются различные варианты соотношения токена и криптовалюты (например, биткоина).

Так, в Декрете Президента Республики Беларусь № 8 от 21.12.2017 «О развитии цифровой экономики»¹ токен рассматривается как разновидность криптовалюты, поскольку понятие криптовалюты включает в себя биткоин и иные цифровые знаки (токены), используемые как универсальное средство обмена (приложение № 1 к Декрету).

Однако подавляющее большинство исследователей цифровой технологии считают, что, напротив, единица криптовалюты, такая как биткоин, является одним из видов токена². В частности, крипто-

¹ См.: URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-1776.

² См.; напр.: Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с точки зрения иностранного опыта // URL: <http://urfas.ru/?p=459>; Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav>.

валюта рассматривается как встроенный токен (в отличие от токенов, обеспеченных обязательством)¹.

В-четвертых, разработчикам следовало бы пояснить, что они понимают под терминами «собственник», «владелец», «пользователь». Дело в том, что право собственности — это вещное право, и поэтому оно применимо только по отношению к вещам. Цифровые права не могут быть вещами, они могут быть только имущественными правами, и к ним понятие «собственность» неприменимо. Можно к ним применять термин «владелец», но это тоже не совсем точно. Владение — это одно из правомочий права собственности, и тоже неразрывно связано с вещными правами. Можно применить термин «обладатель цифровых прав», как мы это сделали в Законе о государственном имуществе применительно к обладателю бездокументарных ценных бумаг. Термин «пользователь» тоже вызывает сомнения, ведь здесь тот, к кому переходят цифровые права, становится обладателем этих прав. В общем, разработчикам следовало бы изучить хотя бы основы теории гражданского права, прежде чем предлагать основополагающие понятия гражданского права.

И, наконец, в-пятых, назвав токен средством удостоверения имущественных прав, разработчики Закона о цифровых технологиях сами того не подозревая, поддержали идею, что цифровые права (или цифровой актив) являются не имущественными правами, а формой имущественных прав, средством их удостоверения.

Раз токен является видом цифрового актива и в то же время он выступает как средство удостоверения имущественных прав, то цифровой актив является не имуществом, а средством удостоверения имущественных прав. То есть внесение изменений в ст. 113 ГК РФ в части включения цифрового актива в состав имущества является необоснованным.

Кроме понятия «цифровой токен», в Закон об информатизации включен еще ряд технологических терминов.

Статья 1 Закона об информатизации дополнена подп. 55–2) следующего содержания:

«55–3) цифровой майнинг — процесс проведения вычислительных операций с использованием компьютерных, энергетических мощностей согласно заданным алгоритмам шифрования и обработки данных, обеспечивающий подтверждение целостности блоков данных в объектах информатизации посредством блокчейна».

Нашлось место и блокчейну. Ст. 1 Закона об информатизации дополнена подп. 38–2) и 39–1):

«38–1) блокчейн — информационно-коммуникационная технология, обеспечивающая неизменность информации в распределенной платформе данных на базе цепочки взаимосвязанных блоков данных, заданных алгоритмов подтверждения целостности и средств шифрования».

«39–1) распределенная платформа данных — технологическая платформа, компоненты которой связаны между собой заданными алгоритмами, размещаются на различных узлах сети, могут иметь одного или более владельцев, а также могут обладать различным уровнем тождественности данных».

Я не вижу большого смысла включать малопонятные технологические термины в законодательство. Существует десятки определений блокчейна, и с развитием цифровых технологий все эти понятия будут меняться. Нет большого смысла включать одно из таких определений в закон.

В проекте Закона о внесении изменений в ГК РФ тоже содержатся такие понятия как «криптовалюта» и «токены», однако сами разработчики исключили их из законопроекта, поскольку, по их мнению, использование этих терминов в законодательстве преждевременно.

Криптовалюта

Отдельно вопрос стоит о «необеспеченных цифровых активах». Судя по ст. 33–1 Закона об информатизации, под этим термином понимается криптовалюта.

Следует иметь в виду, что криптовалюта — это разновидность цифровой валюты.

Зачастую понятие «криптовалюта» и «цифровая валюта» считаются синонимами. Но это в корне неверно.

Цифровая валюта — это деньги, которые используются в сети Интернет. Цифровые деньги существуют только в виртуальном формате, у них нет физического эквивалента в реальном мире. Тем не менее они обладают всеми характеристиками традиционных денег. Как и классические фиатные деньги, их можно получать, переводить или обменивать на другую валюту. Ими также можно оплачивать товары и услуги, например, мобильную связь, Интернет, счета в онлайн-банках и пр. Цифровая валюта не имеет географических или политических границ: деньги из электронного кошелька могут быть направлены откуда и куда угодно. Фактически цифровые счета и кошельки можно расценивать как банковские депозиты.

Криптовалюта — разновидность цифровой валюты. Это актив, который используется в качестве средства обмена и считается надеж-

¹ См.: Кислый В. Классификация и правовое положение криптоактивов // <https://zakon.ru/blog/2017/6/13/klassifikaciya-i-pravovoe-polozhenie-kriptoaktivov>

ным, потому что в его основе лежит криптография. Одна из основных целей криптографии — безопасный обмен данными. Криптография создает и анализирует алгоритмы и протоколы, чтобы передаваемая информация не была изменена или уничтожена третьими лицами. Криптография сочетает в себе принципы различных наук, основная из которых — математика. Именно она обеспечивает точность и надежность алгоритмов и протоколов. Криптовалюта использует технологии блокчейна и распределенного реестра. Благодаря этому ни один регулятор не может контролировать то, что происходит в сети, и так происходит на всем пользовательском пространстве.

Несмотря на то, что криптовалюта — это тип цифровой валюты, можно выделить фундаментальные различия между ними.

Во-первых, отличия по структуре. Цифровая валюта централизована: есть некая группа людей и сеть компьютеров, которые контролируют сетевые транзакции. Криптовалюта, в свою очередь, децентрализована, а правила устанавливаются большинством членов криптосообщества.

Во-вторых, разный подход к категории анонимности. Для пользования цифровой валютой нужна идентификация пользователя — система требует загрузить фотографию и определенные документы, выданные государственными органами. Для покупки, инвестирования и любых других манипуляций с криптовалютой ничего этого не требуется. Впрочем, криптовалюты не обеспечивают полной анонимности. Несмотря на то, что адреса не содержат никакой конфиденциальности информации — имен, прописки и т.д., — каждая транзакция зарегистрирована, а отправители и получатели общеизвестны. Таким образом, любую транзакцию можно отследить.

В-третьих, прозрачность. Цифровая валюта непрозрачна. Вы не можете выбрать адрес кошелька и посмотреть все денежные переводы, эта информация конфиденциальна. Криптовалюта, напротив, прозрачна — можно увидеть список транзакций любого пользователя, поскольку все потоки поступления дохода размещаются в публичной цепочке.

В-четвертых, управление транзакциями. Система цифровой валюты предусматривает наличие центрального органа, который занимается решением проблем. Он может отменить или заморозить транзакцию по просьбе участника или властей, а также по подозрению в мошенничестве или отмывании денег. Криптовалюта регулируется сообществом. Крайне маловероятно, что пользователи одобряют изменения в блокчейне. Хотя редкие прецеденты случались — например, взлом DAO (Decentralised autonomous organization — Децентрали-

зованная автономная система). Однако речь шла о крупной сумме, а решение не было единогласным.

В-пятых, неоднозначное государственное правовое регулирование данных финансовых активов. Большинство стран разработали определенные правовые рамки для цифровых валют, такие как Директива 2009/110/ЕС Европейского парламента или ст. 4А Единого торгового кодекса США. На данный момент в отношении криптовалюты этого нет, поскольку в большинстве стран ее официальный статус не определен. Однако создание правовой базы — лишь вопрос времени¹.

Исходя из изложенного, непонятно, почему разработчики отказались от принятого во всем мире термина «криптовалюта». И почему они назвали ее необеспеченным цифровым токеном?

Вопрос о регулировании криптовалют является очень сложным. В частности, россияне после длительных дискуссий отказались от регулирования криптовалют.

Я неоднократно высказывался против регулирования криптовалют. Они должны развиваться самостоятельно, без давления или поддержки со стороны государства. Любое вмешательство на современном уровне может повлечь непредсказуемые последствия. На это могут пойти государства с очень сильным экономическим потенциалом, к которым Казахстан не относится.

Поэтому мне представляется не совсем продуманным и опасным включение в Закон об информатизации п. 3 ст. 33—1:

«3. Выпуск и оборот необеспеченных цифровых активов на территории РК запрещается, за исключением случаев, предусмотренных законами РК».

Мне кажется, что это будет единственная реально работающая норма, и это будет означать запрет криптовалюты на территории Казахстана со всеми вытекающими последствиями (финпол, полиция, органы национальной безопасности и пр.). Это мы хорошо умеем: запретить на всякий случай, если не можем регулировать процесс.

В Казахстане уже высказывалось мнение, что криптовалюта может регулироваться действующим гражданским законодательством. Утверждается, что «из буквального толкования действующего законодательства Казахстана криптовалюту можно считать объектом гражданских прав в связи с тем, что: (1) она может быть отнесена к широкому понятию «другое имущество» в ст. 115 ГК РК, так как законодательство приводит ограничений и не раскрывает данное понятие; (2) криптовалюта не изъята из оборота, не ограничена в оборо-

¹ См.: *Максупов А. А.* Криптовалюта как экономико-правовая категория // URL: <https://urfac.ru/?p=545>.

те законодательно и, следовательно, в соответствии со ст. 116 ГК РК, может свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому, как объект гражданских прав»¹.

С этим в принципе можно согласиться. Во всяком случае, нельзя отказывать в признании криптовалюты на том основании, что она законодательно не урегулирована. Пока криптовалюта законодательно не запрещена, а значит, может развиваться свободно.

Хотя нас уверяют, что криптовалюта не может быть финансовой пирамидой и никогда не лопнет², тем не менее уже прошел процесс в Китае над организаторами цифровой пирамиды. Был вынесен обвинительный приговор 98 организаторам пирамиды «Onecoin», предполагаемой криптоинвестиционной схемы³.

Профессор Ф. С. Карагусов соглашается с моим утверждением, что появление и обращение криптовалют основано на использовании технологии блокчейна и распределенного реестра, и «благодаря этому ни один регулятор не может контролировать то, что происходит в сети, и так происходит на всем пользовательском пространстве». Но он считает, что именно в связи с этим трудно согласиться с тем, что не должно быть государственного регулирования криптовалют, что «они должны развиваться самостоятельно, без давления или поддержки со стороны государства».

Однако далее он пишет: «С учетом вышеизложенного, если эффективное государственное регулирование рынка криптовалют в интересах граждан и национальной экономики сейчас является затруднительным, то представляется необходимым в кратчайшие сроки сформировать эффективную и разумную национальную платежную систему, обеспечивающую повсеместное и беспрепятственное использование электронных денег Национального Банка Республики Казахстан в качестве универсального платежного средства на территории республики. Я также думаю, (даже если Казахстан не относится к «государствам с очень сильным экономическим потенциалом», как его характеризует академик Сулейменов М. К.), создание национальной платежной системы, основанной на использовании электронных денег Национального Банка Казахстана и ограничении использования в национальной экономике частных электронных

¹ См.: *Москеле А.* Перспективы законодательного внедрения криптовалюты в Казахстане с учетом опыта зарубежных стран // URL: <https://www.zakon.kz/4929372-perspektivy-zakonodatelnogo-vnedreniya-kriptovalyuty-v-Kazakhstane>.

² См., напр.: Деньги будущего: главные заблуждения о криптовалютах // URL: <https://blockchainkz.info/informacia/dengi-budushhego-glavnye-zabluzhdeniya-o-kriptovalyutah>.

³ См.: Китайский суд вынес обвинительный приговор 98 организаторам пирамиды Onecoin // URL: <https://blockchainkz.info/informacia/kitajskij-sud-vyines-obvinitelnyy-prigovor-98-organizatoram-piramidy>.

денег и криптовалют, является задачей, с которой наше государство не просто может, но должно справиться для того, чтобы обеспечить сохранность политического суверенитета нашей страны, устойчивого экономического развития и благосостояния наших граждан»¹.

Таким образом, Ф. С. Карагусов соглашается с тем, что эффективное регулирование рынка криптовалют сейчас представляется затруднительным. К этому можно добавить, что и создание «национальной платежной системы, основанной на использовании электронных денег Национального Банка Казахстана и ограничении использования в национальной экономике частных электронных денег и криптовалют», в настоящее время представляется не только затруднительным, но и невозможным. Единственно, что власти могут эффективно сделать, — это запретить использование криптовалют. Для этого достаточно двух строчек в законе. Поэтому еще раз можно повторить: не надо вмешиваться в процессы функционирования криптовалют. Все равно мы ничего эффективного создать не сможем, но дров наломать — это у нас хорошо получается.

В Казахстане уже высказывалось мнение, что криптовалюта может регулироваться действующим гражданским законодательством. Утверждается, что «из буквального толкования действующего законодательства Казахстана криптовалюту можно считать объектом гражданских прав в связи с тем, что: (1) она может быть отнесена к широкому понятию «другое имущество» в ст. 115 ГК РК, так как законодательство приводит ограничений и не раскрывает данное понятие; (2) криптовалюта не изъята из оборота, не ограничена в обороте законодательно и, следовательно, в соответствии со ст. 116 ГК РК, может свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому, как объект гражданских прав»².

В мае 2018 г. криптовалюта была впервые признана имуществом в России (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/18). Суд отнес ее к категории «иного имущества», указав на отсутствие в гражданском законодательстве закрытого перечня объектов гражданских прав и возможность широкого толкования понятия «иное имущество» с учетом современных реалий (ст. 128 Гражданского кодекса РФ).

С этим в принципе можно согласиться. Во всяком случае, нельзя отказывать в признании криптовалюты на том основании, что она за-

¹ См.: *Карагусов Ф. С.* О правовом режиме денег в качестве одного из основных видов объектов гражданских прав, создании национальной платежной системы и контроле рынка криптовалют // URL: <https://www.zakon.kz/5016187-o-pravovom-rezhime-deneg-v-kachestve.html>.

² См.: *Москеле А.* Перспективы законодательного внедрения криптовалюты в Казахстане с учетом опыта зарубежных стран // URL: <https://www.zakon.kz/4929372-perspektivy-zakonodatelnogo-vnedreniya-kriptovalyuty-v-Kazakhstane>.

конодательно не урегулирована. Пока криптовалюта законодательно не запрещена, а значит, может развиваться свободно.

Хотя нас уверяют, что криптовалюта не может быть финансовой пирамидой и никогда не лопнет¹, тем не менее уже прошел процесс в Китае над организаторами цифровой пирамиды. Был вынесен обвинительный приговор 98 организаторам пирамиды «Onecoin», предполагаемой криптоинвестиционной схемы².

Смарт-контракты

Смарт-контракты в общем виде, без попытки сейчас дать ему правовую квалификацию, можно определить как запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна. Смарт-контракты базируются на компьютерном протоколе, который по установленным правилам посылает или получает определенную информацию или изменяет данные. Основанием является заложенный в протоколе программный код. При этом применяются простые правила «если, то»: «если» определенное условие будет исполнено, «то» будет совершено определенное действие или транзакция. Таким образом, с технической точки зрения смарт-контракт — это программный код. Примером является смарт-контракт (программный код), согласно которому мотор арендованного автомобиля заработает только в случае своевременного внесения арендной платы. Смысл использования блокчейна для смарт-контрактов состоит в обеспечении неизменности программного кода и условий «если, то» благодаря децентрализации³.

Смарт-контракты («умные» контракты, от англ. — smart-contract) не являются договорами в традиционном юридическом смысле. Используя программы ЭВМ (компьютерная программа), разрабатывается последовательность действий — код смарт-контракта для рутинных, повторяющихся операций (купля-продажа при биржевых финансовых сделках, электронные платежи, договоры страхования и возмещения ущерба, расчет убытков при нарушении интеллектуальных прав и т.д.). Эта последовательность действий, записанная в компьютерной программе, определяет способ достижения согла-

¹ См., напр.: Деньги будущего: главные заблуждения о криптовалютах // URL: <https://blockchainkz.info/informacia/dengi-budushhego-glavnyie-zabluzhdeniya-o-kriptovalyutah>.

² См.: Китайский суд вынес обвинительный приговор 98 организаторам пирамиды Onecoin // <https://blockchainkz.info/informacia/kitajskij-sud-vynes-obvinitelnyy-prigovor-98-organizatoram-piramidy>.

³ См.: Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // URL: <https://urfac.ru/?p=459>.

шения сторон по условиям контракта, который будет исполнен автоматически. При этом риск ошибки или манипуляции минимальный, поскольку исполнение договора будет поддерживать отдельные базы данных. Работа блокчейн-протокола в форме «умного» контракта предполагает прямой контакт сторон смарт-контракта, его автоматическое выполнение и проверку результата — все без привлечения посредников и юристов. Повторяющийся процесс (сценарий) рутинных юридических операций также основан на ведении учета финансовых операций в форме блокчейн-записи. Помимо этого, принципиальным условием применения технологии «блокчейн» является исключительная добросовестность участников при осуществлении ими своих прав и обязанностей, блокчейн не предполагает возможности такого юридического действия, как признание сделки недействительной и правовые последствия этого.

«Умный» контракт (smart-contract) в физическом смысле представляет собой электронный алгоритм, программный код для ЭВМ в электронном виде (программа) и является юридически обязывающим документом — соглашением сторон в правовом понимании. Умные контракты, как правило, развертываются на технологической платформе blockchain, хотя возможно использование и на других платформах. В децентрализованной системе blockchain («цепочка блоков») смарт-контракт как программный код находится в пределах одного «блока». Блок представляет собой программный контейнер, объединяющий сообщения, относящиеся к определенному смарт-контракту. Эти сообщения могут выступать в качестве входных или выходных данных программирования смарт-контрактов и сами могут указывать на другой компьютерный код. В технологии blockchain применяется шифрование открытого ключа как метод криптографии, использующий два типа ключей. Первый — открытый ключ, доступный всем участникам, а второй является закрытым ключом и известен только получателю. При реализации смарт-контракта (смарт-транзакции) в системе blockchain отправляющий получатель шифрует свое сообщение в нечитаемом, зашифрованном виде с помощью алгоритмов или математических формул, чтобы защитить данные и обеспечить устойчивость к сбоям или хакерским атакам. Распространено ошибочное представление о том, что существует только один тип умного контракта. На самом деле, существует целый спектр возможностей¹.

А. И. Савельев определил смарт-контракт как «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе Blockchain, который обеспечивает автономность и са-

¹ См.: Карцхия А. А. Указ. соч. С. 146–149.

моисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств»¹.

Однако при определении правовой природы смарт-контракта необходимо иметь в виду, что с правовой точки зрения смарт-контракт может классифицироваться не как какой-то самостоятельный вид договора, а лишь как письменная форма сделки, совершенная с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки. При этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Закон предусматривает, что иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

Как пишут, например, А. А. Волос и Е. П. Волос, смарт-контракт — это не отдельный вид договора. Смарт-контрактом может выступать и договор купли-продажи, и договор аренды, и другие договорные конструкции. Смарт-контракт представляет собой особую форму договора (электронная форма на основе специального программного кода) и предопределяет специфику порядка и способов заключения договора, осуществления прав и исполнения обязанностей сторон, прекращения договорных отношений. Таким образом, смарт-контракт не является какой-либо новой договорной конструкцией, которая противоречила бы всем имеющимся принципам договорного права и нормам законодательства об отдельных договорах².

Поэтому говорить о конце классического договорного права, на мой взгляд, еще рановато.

В Закон РК от 07.01.2003 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» Проектом Закона о цифровых технологиях предлагалось включить ряд норм о смарт-контрактах. Но затем эти нормы из окончательного текста Закона были исключены.

Определение, содержащееся в Проекте, являлось чисто технологическим и не отражало юридическую сущность смарт-контракта. А эта юридическая сущность заключается в том, что исполнение здесь производится автоматически, без волеизъявления стороны договора, при наступлении определенного договором условия.

Правильно этот вопрос решен Законом РФ от 18.03.2019.

¹ См.: Савельев А. И. Договорное право 2.0: «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 46.

² См.: Волос А. А., Волос Е. П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование: монография / под науч. ред. Е. В. Вавилина. М.: Проспект, 2019. С. 147.

Статья 309 ГК дополнена ч. 2 следующего содержания:

«Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки».

Это и есть смарт-контракт. На мой взгляд, можно это положение включить в ГК РК в качестве п. 2 ст. 272 ГК (Надлежащее исполнение обязательства).

Роботы

В Проекте Закона о цифровых технологиях ранее предлагалось дополнить ГК РК тремя статьями о роботах. Эти статьи не выдерживали никакой критики ни по содержанию, ни по юридическому оформлению. Из окончательного текста Закона эти статьи были исключены, и это правильно.

В Проекте о роботах остались две нормы. Во-первых, это подп. 43–1) п. 1 Закона о цифровизации:

«43–1) интеллектуальный робот — автоматизированное устройство, совершающее определенное действие или бездействие с учетом воспринятой и распознанной внешней среды».

И, во-вторых, это ст. 18–1 Закона об информатизации:

«Статья 18–1. Права и обязанности собственника и владельца интеллектуального робота.

Правоотношения между собственником и владельцем интеллектуального робота регулируются гражданским законодательством РК».

Можно эти нормы оставить, но лучше было бы не включать. Никакого правового регулирования здесь нет, это просто законодательный мусор.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать некоторые выводы:

1. Проведенный анализ показал, что внесение изменений в Гражданский кодекс оказались не очень удачными. Прежде всего это касается понятия цифровых прав. Но внесение этого понятия в ГК РФ пока не причинит большого вреда, так как внедрение его в реальную жизнь отнесено к будущему законодательному регулированию. Хотя остается теоретическая проблема соотношения цифровых прав и имущественных прав, которая, на мой взгляд, решена в ГК РФ не совсем корректно.

Что же касается решения этого вопроса в Законе РК о цифровых технологиях, то внедрение понятия «цифровые активы», тем более в такой форме, представляется ошибочным. Лучше было бы пока не трогать ГК РК, пока мы не разберемся с теоретическими позициями. На мой взгляд, цифровое право — это не самостоятельное имущественное право наряду с обязательственными и иными правами, а способ закрепления имущественных прав. Если уж закреплять в ГК это понятие, то, на мой взгляд, надо было именно в таком качестве;

2. Что, несомненно, необходимо в казахстанском законодательстве использовать из изменений, сделанных в ГК РФ, так это изменения, внесенные в ст. 309 ГК РФ о смарт-контрактах. На мой взгляд, аналогичную норму надо включить в ГК РК в качестве п. 2 ст. 272 ГК РК (Надлежащее исполнение обязательства);

3. Технологические определения, которые закреплены в отраслевых законах, на мой взгляд, включать в законодательство на данном этапе не надо было. Они малопонятны, отражают только одно из многих возможных определений, которые будут меняться с развитием цифровой технологии. И главное, они юридически бесполезны, ибо ничего не регулируют. Голое определение — это не юридическая норма, реально действующая. Его место не в законе, а в справочнике или энциклопедии (википедии);

4. Цифровые технологии бурно развиваются, меняясь не просто ежегодно, а ежемесячно и ежедневно. Попытки их зарегулировать могут принести не ожидаемую пользу, а реальный вред в виде торможения этого процесса, что повлечет отставание наших стран. Можно, наверное, как-то отражать эти процессы в отраслевых законах, но в Гражданский кодекс надо включать только проверенные практикой, юридически грамотные и могущие выдержать испытание временем нормы.

Список литературы

1. *Архипов В. В.* Интернет-право. М., 2018. 129 с.
2. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // URL: <https://urfac.ru/?p=2398>.
3. *Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н.* Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // *Legal Linguistics*. 2019. № 11. С. 15–18. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2019\)1103](https://doi.org/10.14258/leglin(2019)1103). См. также: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-tsifrovoye-pravo-v-doktrini-pravovyh-tekstah>.
4. *Винья П.* Эпоха криптовалют: как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок / Пол Винья, Майкл Кейси; пер. с англ. Э. Кондуковой; науч. ред. А. Форк. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 432 с.;

5. *Волос А. А., Волос Е. П.* Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование: монография / под науч. ред. Е. В. Вавилина. М.: Проспект, 2019. 140 с.
6. *Генкин А.* Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра / Артем Генкин, Александр Михеев. М.: Альбина Паблишер, 2018. 592 с.
7. Деньги будущего: главные заблуждения о криптовалютах // URL: <https://blockchainkz.info/informacia/dengi-budushhego-glavnyie-zabluzhdeniya-o-kriptovalyutahah>.
8. *Карагузов Ф. С.* О правовом режиме денег в качестве одного из основных видов объектов гражданских прав, создании национальной платежной системы и контроле рынка криптовалют // URL: <https://www.zakon.kz/5016187-o-pravovom-rezhime-deneg-v-kachestve.html>.
9. *Карицхия А. А.* Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 430 с.
10. *Кислый В.* Классификация и правовое положение криптоактивов // URL: https://zakon.ru/blog/2017/6/13/klassifikaciya_i-pravovoe-polozhenie-kriptoaktivov.
11. Китайский суд вынес обвинительный приговор 98 организаторам пирамиды Onecoin // URL: <https://blockchainkz.info/informacia/kitajskij-sud-vyines-obvinitelnyj-prigovor-98-organizatoram-piramidy>.
12. *Коновеевская И. М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330–334. URL: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>; см. также URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyi-obekt-grazhdanskogo-prava>.
13. *Лантев В. А.* Цифровые активы как объекты гражданских прав // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-aktivy-kak-obekty-grazhdanskogo-prava>.
14. *Максуров А. А.* Криптовалюта как экономико-правовая категория // URL: <https://urfac.ru/?p=545>.
15. *Москеле А.* Перспективы законодательного внедрения криптовалюты в Казахстане с учетом опыта зарубежных стран // URL: <https://www.zakon.kz/4929372-perspektivy-zakonodatelnogo-vnedreniia-kriptovalyuty-v-Kazakhstane>.
16. *Нагородская В. Б.* Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.
17. *Савельев А. И.* Договорное право 2.0: «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3.
18. *Свон М.* Блокчейн: схема новой экономики / пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2018. 240 с.
19. *Ситдикова Р. И., Ситдииков Р. Б.* Цифровые права как новый вид имущественных прав // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-vid-imuschestvennyh-prav>.
20. *Сулейменов М. К.* Право как система. М.: Статут, 2016. 340 с.; см. также: *Гражданское право Республики Казахстан: опыт теоретического исследования. Т. 2. Ч. 2: Теоретическая. Разд. 1: Общие проблемы гражданского права.* Алматы, 2016. 574 с.

21. Табернакулов А. Блокчейн на практике / Александр Табернакулов, Ян Койфман. М.: Альпина Паблишер, 2019. 260 с.
22. Танимов О. В. Влияние цифровых технологий на появление новых структурных элементов системы права // URL: <https://urfac.ru/?p=2558>.
23. Тарасов Д., Попов А. От золота до биткойна. М.: Альбина Паблишер, 2018. 98 с.; публикации Ассоциации разработчиков и пользователей технологии Блокчейн // Blockchein.kz. URL: www.blockchainkz.info.
24. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с точки зрения иностранного опыта // URL: <http://urfac.ru/?p=459>.

§ 3.9. Уголовно-правовое обеспечение использования цифровых технологий в России

Попаденко Елена Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Красильникова Елена Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу нового направления преступности, совершаемой посредством информационно-коммуникационных технологий, что существенно изменяет облик привычных нам преступлений. Необходимость противодействия киберопасностям ставит перед законодателем и правоприменителем новые задачи, решение которых позволит минимизировать возможные угрозы в цифровой среде.

Ключевые слова: киберпреступность, преступность в сфере высоких технологий, компьютерное преступление, мошенничество, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, уголовный закон.

Abstract. The present study analyzes a new direction of crime committed through information and communication technologies, which significantly changes the appearance of our usual crimes. The necessity to counter cyber threats sets before legislator and law agencies to solve new tasks in order for minimize threats in the digital environment.

Keywords: cybercrime, high-tech crime, computer crime, fraud, digitalization, information and communication technology, criminal law.

Современное общество характеризуется глобальным применением цифровых технологий. Сегодня уже трудно представить работу с любыми данными без компьютерных технологий, производственный процесс без автоматизации рутинных действий. Да что там говорить, весь жизненный цикл обычного человека проходит «на виду» у всех, в сети «Интернет»! Человек еще и не думал родиться, а его потенциальные родители через Интернет уже оформляют документы для заключения брака. В будущем им же предстоит записать ребенка в детский сад, школу, на прием к врачу и много куда еще. Позже вуз, трудоустройство, оформление пенсии и иных социальных выплат, и все «не отходя» от компьютера. А между всем этим — общение в социальных сетях, заказ товаров, чтение книг и прочее использование возможностей сети «Интернет». В большинстве случаев сеть запрашивает у потенциального пользователя персональные сведения для идентификации, «собирая» тем самым всю информацию о человеке. Вот и получается, что с рождения и фактически до конца жизни любой человек находится онлайн, а информация о нем может быть использована как во благо, так и во вред ему.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в России сегодня число пользователей сети «Интернет» составляет более 70% населения. Считается, что основу такого активного «наступления» Интернета на человечество положила Окинавская хартия глобального информационного общества 2000 г., где зафиксировано, что использование информационно-коммуникационных технологий направлено на обеспечение устойчивого экономического роста, повышение общественного благосостояния, стимулирование социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления, права человека, развитие культурного многообразия и укрепление международного мира и стабильности¹.

Индекс развития ИКТ свидетельствует, что в 2017 г. Россия занимала только 45 строчку в рейтинге², однако происходящие изменения в жизни российского общества позволяют с уверенностью говорить о том, что государство продолжит курс на интеграцию

¹ См.: п. 2 Окинавской хартии глобального информационного общества // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901770887>.

² См.: Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info>.